

Северный Кавказ в войне с Украиной

О потерях выходцев с Северного Кавказа

Официальные сведения о потерях в Украине российских и подконтрольных России вооруженных формирований (как и Вооруженных сил Украины) носят отрывочный, фрагментарный характер: даже порядок величины достоверно не известен. Последние данные российских властей о потерях — 5937 человек — были озвучены **21 сентября 2022 года**¹. С тех пор — больше трёх лет! — официальных сведений о потерях с российской стороны не поступало. Заполнить досадную лакуну всё это время пытались команды журналистов-расследователей.

Разумеется, возможны косвенные оценки потерь. Но точность таких оценок заведомо зависит не только и не столько от используемой методики, сколько от возможной ангажированности исследователя — тем более в России, где людей привыкли считать не «единицами», а «нулями», и большое число со множеством нулей на конце кажется аудитории заведомо более убедительным².

Единственная методика, позволяющая избежать подобных ошибок, в любую сторону — ведение системы «личных дел», картотеки или хотя бы поименного списка. Но и тут возможен подвох: без надлежащей проверки и отбраковки не подтвержденных должным образом персоналий такой список может быть «раздут», причем порою многократно. Разумным здесь кажется следование какому-либо единообразному критерию подтверждения гибели человека. При этом очевидно, что такое требование неизбежно внесёт систематическую ошибку в сторону занижения оценок: вообще, любые подобные попытки, любые такие списки будут в той или иной степени неполны.

Непосредственный подсчет так или иначе ставших публичными сообщений о гибели российских военных, который совместно ведут издание «Медиазона», Русская служба ВВС и команда волонтеров, на **конец февраля 2026 года** давал общее число погибших в **194 498** человек (без учета людей, попавших в российские воинские формирования из противоправно аннексированных Автономной Республики Крым, г. Севастополя, Донецкой и Луганской областей Украины)³.

Еще один метод подсчета, применяемый «Медиазоной» — на основании находящихся в производстве дел о наследстве — давал итог примерно 219 тысяч человек по России в целом.

В этом разделе бюллетеня мы постараемся проанализировать результаты таких подсчетов применительно к регионам Северного Кавказа.

Мы ведем **поименный список погибших** выходцев из регионов Северного Кавказа. Он формируется на базе как собственной информации — данных о погибших, собранных Центром «Мемориал», сообщений из открытых источников — публикаций в СМИ, некрологов, сообщений региональных или местных органов власти, а также публикаций в различных социальных сетях и телеграм-каналах. Из-за большого числа сообщений и ограниченности наших ресурсов мы не всегда можем проверить достоверность этих сообщений.

¹ РИА Новости, 21.09.2022, <https://ria.ru/20220921/poteri-1818333891.html>.

² Так было и с оценками числа жертв советских репрессий, числа расстрелянных в годы «большого террора», числа погибших в годы Великой отечественной войны или, шире, потерь населения СССР в годы советской власти. Но ровно та же самая история повторялась и с числом погибших в московской «Малой гражданской войне» осени 1993 года, и с числом погибших в обеих чеченских войнах — как гражданских лиц, так и силовиков. И политики, и аудитория всегда более охотно воспринимали большие и «круглые» цифры, нежели верифицированные оценки, приближенные к реальности.

³ См. данные совместных подсчетов Медиазоны и ВВС, <https://zona.media/casualties>.

Доступные данные о числе погибших уроженцев республик Северного Кавказа представлены в Таблице 1.

Табл. 1. Потери уроженцев республик Северного Кавказа по данным различных источников с 24 февраля 2022 года по 28 февраля 2026 года⁴

Регион	ЦЗПЧ «Мемориал»	Медиазона	Кавказский Узел
Дагестан	2 448	2 031	1 835
РСО-А	1 218	1 220	548
Чечня	537	479	258
КБР	461	611	379
КЧР	234	403	183
Ингушетия	236	223	181
Всего	5 134	4 967	3 384

Подсчеты ЦЗПЧ «Мемориал» включают как собственные данные, так и сведения из доступных нам открытых источников. Данные по Чечне основаны, помимо своих верифицированных источников, на различных сообщениях в соцсетях и телеграм-каналах, достоверность которых мы не всегда можем проверить.

Три необходимых замечания к этой таблице.

Во-первых, данные «Мемориала» оказываются достаточно близки к данным «Медиазоны» (кроме КЧР), порою почти совпадают — при значительном различии в методиках подсчёта. Значительное расхождение в результатах означало бы полную неопределённость, и делало бы бессмысленными наши дальнейшие рассуждения.

Во-вторых, цифры «Кавказского Узла» систематически заметно ниже прочих — но это естественно, поскольку это издание при подсчётах учитывает только тех, о чьей гибели сообщали органы власти любого уровня (руководство России, региона, района или населенного пункта).

В-третьих, в прошлых выпусках бюллетеня мы приводили для сравнения данные о погибших выходцах с Северного Кавказа, собранные изданием «Кавказ.Реалии». К сожалению, издание прекратило эту работу в середине мая 2025 года⁵.

Об участии жителей Северного Кавказа в войне против Украины

Рассмотрим подробнее сведения команды, ведущей подчеты наиболее последовательно и системно — волонтерской группы, сформированной Русской службой ВВС и Медиазоной. Полученные ими данные — результат огромной, постоянной, системной работы по поиску, проверке, сопоставлению и уточнению громадного массива данных: опубликованных в СМИ и в соцсетях некрологов, заметок о похоронах, об открытии «парт героев», о посмертном награждении и вручении наград родственникам убитых, или о наименовании каких-либо объектов в честь «погибших героев», и других сообщений. Эти результаты, повторим, в любом случае будут заведомо занижены — это подчеркивают и сами исследователи⁶.

⁴ Собственные подчеты ЦЗПЧ «Мемориал», данные сайта «Кавказ.Реалии», данные совместных подсчетов Медиазоны и ВВС, <https://zona.media/casualties>, Кавказский Узел, 28.02.2026, <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/421199>.

⁵ По-видимому, в связи с решением администрации Дональда Трампа прекратить финансирование «Радио Свобода» и связанных с ним проектов, к которым относятся и «Кавказ.Реалии».

⁶ Медиазона, 29.08.2025, <https://zona.media/news/2025/08/29/220k>.

Во-первых, далеко не все сообщения о гибели людей сначала попадали в публичное пространство, а затем, во-вторых — были зафиксированы исследователями.

Следующие два фактора «растягивают» процесс во времени, вызывая запаздывание.

В-третьих, ещё до публикации или иных публичных действий сообщение о смерти погибшего на войне появляется не сразу, а, как правило, после того, как будет доставлено и опознано его тело. В последние пару лет, с распространением FPV-дронов, этот процесс становится всё сложнее и дольше.

В-четвертых, отметим: число погибших столь велико, что волонтерская группа не справляется, да и не может справиться «в режиме реального времени» с верификацией потока поступающих данных — обработки ожидают **десятки тысяч (!)** найденных ими некрологов. Обнародованные на какую-либо дату сведения этой группы включают только то, что было проверено и подтверждено на каждый конкретный момент.

Таким образом, названное Русской службой ВВС и Медиазоной число — это минимальная, консервативная оценка потерь. Общее же число погибших заведомо не просто «не меньше», но существенно больше. Эта систематическая ошибка — неизбежная плата за методическую точность.

Поскольку ВВС и Медиазона собирают информацию по всем регионам России, то именно их данные было бы целесообразно использовать для оценки того, насколько велики потери северокавказских регионов по сравнению как с другими регионами РФ, так и с усредненными общероссийскими показателями. Эти сведения представлены в Табл. 2. Для сравнения мы привели три региона с максимальной долей потерь, два региона с минимальной долей потерь и данные в среднем по России. В первой колонке — место в списке регионов РФ, упорядоченном по убыванию числа погибших на 1000 человек населения.

Табл. 2. Количество погибших за все время войны в Украине в общей численности населения регионов

Место	Регион	Население ⁷ (01.01.2025 г.)	Погибшие (26.02.2026 г.)	Число погибших на 1 000 человек.
1	Тыва	338 483	1 772	5,24
2	Чукотский АО	47 778	239	5,00
3	Бурятия	971 139	4 236	4,36
36	РСО—Алания	678 826	1 220	1,80
-	РФ в целом	143 641 068	194 498	1,35
74	КЧР	468 599	403	0,86
77	КБР	908 214	611	0,67
78	Дагестан	3 259 890	2 031	0,62
80	Ингушетия	534 491	223	0,42
81	Санкт-Петербург	5 652 922	2 068	0,37
82	Чечня	1 576 552	479	0,30
83	Москва	13 274 285	3 198	0,24

Обзор цифр и общие выводы

В большинстве регионов Северного Кавказа доля погибших в общей численности населения оказывается существенно ниже, чем в среднем по стране. И не просто ниже — северокавказские республики находятся в самом низу списка, а Ингушетия и Чечня по этому показателю сопоставимы только со столицами, *Москвой* и *Санкт-Петербургом*, где

⁷ По данным Росстата на 01.01.2025 г.

военная служба традиционно непопулярна: в богатых и развитых городах у людей, как правило, есть гораздо более привлекательные и безопасные жизненные перспективы.

Из всех регионов Северного Кавказа по доле погибших заметно выделяется Северная Осетия — Алания. Только в ней доля погибших заметно выше, чем в среднем по России, и почти втрое выше, чем в следующей за ней Карачаево-Черкесии. Это вполне объяснимо: в республике сложилась и поддерживается традиция воинской службы. Население Осетии со времен Кавказской войны воспринимало себя (и воспринималось российскими властями) как опора России на Кавказе, и охотно шло в армию. Большинство частей и структур дислоцированной на Северном Кавказе 58-й армии, включая ее штаб, расквартированы именно в Северной Осетии. Но даже относительные потери в Северной Осетии — самые большие на Северном Кавказе — оказываются в 2,5-3 раза ниже, чем у «лидеров» списка.

Одним из возможных объяснений могла бы стать какая-то систематическая ошибка, связанная с методиками учёта — какой-либо фактор, занижающий долю учтенных потерь именно и исключительно для северокавказских республик. Мы с коллегами из «Медиазоны» подробно обсудили такую возможность, и отвергли эту гипотезу.

Можно ли объяснить такой уровень потерь тем, что выходцев с Северного Кавказа на фронте как-то особенно берегут? За исключением подразделений, контролируемых Рамзаном Кадыровым, которые в большинстве своем стоят либо в тылу, либо на неактивных участках фронта, оснований для такого предположения как будто нет. Следовательно, напрашивается вывод: меньшая доля потерь означает меньшую долю населения, отправившегося на войну. Так ли это? Мы предположили это как рабочую гипотезу, и вот с чем это может быть связано.

Причины: Экономическая подоплека

Лидирующие позиции в списке регионов (Таблица 2) занимают Тыва, Чукотка и Бурятия: депрессивные регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока, где бедное и не имеющее экономических перспектив население становится подходящим объектом для вербовки.

Согласно официальной статистике, республики Северного Кавказа также имеют серьезные экономические проблемы (уровень жизни здесь низок, а уровень официальной безработицы — высок). Казалось бы, экономическая мотивация вербоваться в армию здесь также актуальна, как и в Тыве или Бурятии.

Однако эти выводы основаны на формальном сопоставлении официальной статистики, которая не учитывает особенностей местного жизненного уклада, тем самым порождая систематическую ошибку.

Сведения о занятости и достатке населения заведомо искажены.

Во-первых, на Северном Кавказе значительная часть населения с советских времен была занята отходничеством (шабашничеством) или работала на «северах». И в наше время выехавшие на заработки или же постоянно живущие где-то в центральной России родственники помогают семьям, оставшимся на «малой родине». Этому способствуют традиционные широкие и крепкие семейные связи.

Во-вторых, на Северном Кавказе традиционно была и остается сильна «неформальная экономика», теневой бизнес, уходящий от налогообложения, учета и статистики. Результаты деятельности этого сектора экономики также увеличивают доходы семей, не регистрируемые официально.

В-третьих, несмотря на наследие советской власти, разрушавшей традиционный уклад жизни и обычаи, на Северном Кавказе (кроме, может быть, Северной Осетии — Алании) нет традиции открытого употребления алкоголя, или же открытого одобрения такого употребления.

В итоге налицо видимые различия: в считавшейся традиционно бедным регионом Ингушетии или в пережившей две недавние разрушительные войны Чечне мы видим в сёлах большие крепкие дома, выстроенные в последние годы. Несмотря на близость статистических показателей, ничего подобного мы не увидим ни в Тыве, ни в Бурятии. Очевидно, сказываются особенности микроэкономики и уклада жизни.

Причины: антивоенные настроения общества

На Кавказе, пережившем войны и «контртеррористические операции», можно ожидать **большого** понимания того, что на самом деле представляет из себя другая «операция», теперь уже «специальная военная». Здесь ниже доверие к пропаганде, поскольку люди на собственном опыте понимают, что обычно скрыто за яркими плакатами и громкими словами.

Мы можем утверждать, что, по сведениям наших источников, в ряде регионов Северного Кавказа война не пользуется популярностью, и люди оттуда неохотно идут на военную службу.

Так, жители *Ингушетии* с самого начала «СВО» не проявляли особенного желания в ней участвовать, а желающих заключить контракт и идти воевать было совсем немного⁸. О причинах такого отношения однозначно говорить сложно. Отчасти это объясняется относительно невысокими региональными выплатами за подписание контракта. Но есть другой важный момент: признанные и популярные в республике религиозные авторитеты не высказывались ни за, ни против войны — что «считывается» обществом как отсутствие поддержки «СВО». Те же, кто поддержал войну, уважением в обществе не пользуются.

В *Чечне* оценить общественные настроения существенно сложнее из-за сложившегося здесь тоталитарного режима. По сведениям Центра «Мемориал», общий настрой в республике резко антивоенный, а желающих идти воевать немного. Люди помнят опыт двух недавних войн, не испытывают иллюзий относительно того, что представляет из себя война, даже называемая «операцией». В **сентябре 2022 года** в Грозном состоялась единственная за долгие годы протестная акция женщин против войны и мобилизации⁹. Сама попытка ее проведения в условиях тоталитарного режима много говорит о настроениях в регионе.

Условия жизни в современной Чечне также не способствуют желанию жителей воевать за интересы российских властей, поддерживающих режим Кадырова. Люди идут в армию или по принуждению, или за деньги. Но, во-первых, желающих заработать относительно немного, поскольку опыт двух войн показал, чего **стоит** такой заработок. Во-вторых, вербуются они в основном в кадыровские подразделения, которые или входят в состав Росгвардии и находятся на «СВО» в тылу, или же, в соответствии с доктриной «тик-ток-войск», стоят на малоактивных участках, и потому несут относительно небольшие потери. В-третьих, республика выполняет разрядки по подписанию контракта за счет привлечения «добровольцев» из других регионов. Так, на поверку в сформированных с 2022 года подразделениях «Ахмат» значительную долю составляли отнюдь не местные жители.

В *Дагестане* и *Кабардино-Балкарии*, по данным Центра «Мемориал», недостатка в добровольцах нет — хотя необходимо подчеркнуть, что это заведомо субъективные оценки, основанные на очень ограниченном фактическом

⁸ О низкой поддержке «СВО» в Ингушетии мы писали в выпусках бюллетеня «20 недель СВО», <https://novayagazeta.eu/articles/2022/08/04/kadyrovtsy-na-voine>, и о событиях осени 2022–зимы 2023 гг., <https://memorialcenter.org/analytics/bulleten-2023>.

⁹ См. выпуск бюллетеня о событиях лета 2022–зимы 2023 гг., <https://memorialcenter.org/analytics/bulleten-2023>.

материале. Но необходимо напомнить, что уже осенью 2022 года мы отмечали¹⁰ и подробно — насколько позволяли данные — анализировали ставшее заметным сокращение желающих заключать контракты с Министерством обороны РФ в этих республиках. Тогда же, осенью 2022 года, в Дагестане прошли едва ли не самые масштабные в России протестные выступления против так называемой «частичной» мобилизации, продолжавшиеся более недели. Протесты против мобилизации, хотя и менее масштабные, чем в Дагестане, имели место и в Кабардино-Балкарии. Нет основания полагать, что настроение в этих регионах с тех пор поменялось в пользу участия в войне.

В декабре 2024 года проект Arus — инициатива команды правозащитников, исследователей и юристов — выпустил доклад, посвященный исследованию мотивов и стратегий российских мужчин, потенциально подлежащих мобилизации и призыву, но не желающих участвовать в войне с Украиной. Оно опирается на материалы глубинных интервью с мужчинами с Северного Кавказа и Центральной России.

В рамках исследования с жителями республик Северного Кавказа — из исследования была исключена Чечня, как отмечали авторы исследования, из-за ее региональных особенностей набора на военную службу — было проведено 23 интервью.

В силу его тематики для исследования изначально отбирались люди, настроенные против войны, и опираться на его результаты для изучения антивоенных настроений можно лишь очень косвенно. Но нам представляются важными два момента.

Во-первых, мотивируя свое нежелание идти на войну, респонденты с Северного Кавказа часто ссылались на религиозные мотивы и на ощущение, что это «не их война».

Во-вторых, мужчины с Северного Кавказа часто говорили, что не испытывают давления общества, которое вынуждало бы их отправляться в армию, но, напротив, встречают понимание и поддержку. *«В моем окружении все понимают, что туда или за бабки идут, или вынужденно, и нет никакой правды в этой войне»*, — заявил один из них¹¹.

Причины: Москва опасается будоражить Кавказ?

О том, что федеральный центр «спускает» во все регионы РФ целевые показатели по набору контрактников для участия в так называемой «СВО», и что именно они порождают конкуренцию за новобранцев и «гонку выплат» между регионами, писали многие медиа¹². Эти целевые показатели, по-видимому, устанавливаются для каждого региона отдельно и самостоятельно, и связаны как с количеством и качеством потенциальных контрактников, так и с желанием региональных властей выслужиться перед властями федеральными.

Может ли быть так, что для регионов Северного Кавказа эти показатели установлены на достаточно низком уровне? Мы этого не знаем. Но в пользу того, что это возможно, говорят несколько соображений. Первое — это описанные выше антивоенные настроения регионов. Второе — то, что в регионах Северного Кавказа очень сильны традиционные горизонтальные связи, и местное сообщество обладает повышенной по сравнению с обществами других регионов способностью к самоорганизации. Эта способность проявлялась, например, в том, как массово, но в то же время мирно проходили протесты против соглашения об административных границах в Ингушетии

¹⁰ См. выпуск бюллетеня о событиях лета 2022–зимы 2023 гг., <https://memorialcenter.org/analytics/bulleten-2023>.

¹¹ Кавказ.Реалии, 23.12.2024, <https://www.kavkazr.com/a/33250452.html>, само исследование см. <https://t.me/apusproject/4>.

¹² См., например, URA.RU, 29.09.2024, <https://ura.news/news/1052818714>, Новые известия, 10.09.2024, <https://newizv.ru/news/2024-09-10/moskva-zaplatit-posredniki-otpravlyayut-kontraktikov-na-ukrainu-po-rastsenka-m-stolitsy-433112>, Русская служба BBC, 29.10.2025, <https://www.bbc.com/russian/articles/c2emnw1r18xo>.

осенью 2018 г.¹³, и особенно в том, как самоорганизовывались северокавказские сообщества в борьбе с пандемией Covid-19 в 2020 г.¹⁴. Можно было бы предположить, что федеральные власти, имея представление об антивоенных настроениях Северного Кавказа, зная об этой способности обществ к быстрой самоорганизации и мобилизации в случае внешней угрозы, и помня опыт вооруженного конфликта на Северном Кавказе, который в 2000-е годы охватил практически весь регион и до сих пор в полной мере не завершился, решили без крайней необходимости людей не раздражать.

* * *

Констатируя очевидное, отметим: в сложившихся условиях провести полномасштабное социологическое исследование в России в целом или в каких-то отдельных ее регионах, чтобы объективно оценить отношение общества к «СВО» и причины, его вызвавшие, невозможно. Нам остается приводить свои соображения и оценки, основанные на длительном опыте нашей работы в регионах Северного Кавказа.

Мы не знаем, действительно ли низкие цифры относительных потерь по регионам Северного Кавказа вызваны теми факторами, что мы перечислили выше. Но совокупность результатов подсчетов числа погибших по разным регионам и их дальнейшее сопоставление, по нашему мнению, заслуживают доверия.

Сложившийся в России и в зарубежных СМИ стереотип, будто Северный Кавказ — едва ли не «самый воюющий регион России», не подтверждается доступными статистическими данными, собранными независимыми исследователями.

Жители Северного Кавказа по преимуществу не стремятся на войну — во всяком случае, значительно меньше, чем в других «депрессивных» регионах, и меньше, чем в среднем по России.

Сведения по многим регионам, полученные разными методиками, приводят нас к, казалось бы, неожиданному выводу: жители Кавказа — не «пехотинцы Путина».

¹³ См. бюллетень о событиях осени 2018 г., <https://memohrc.org/ru/bulletins/situaciya-v-zone-konflikta-na-severnom-kavkaze-ocenka-pravozashchitnikov-osen-2018-g>.

¹⁴ См. бюллетень о событиях весны 2020 г., <https://memohrc.org/ru/bulletins/byulleten-situaciya-v-zone-konflikta-na-severnom-kavkaze-ocenka-pravozashchitnikov-vesna>.